

Ася Кравченко

~

## ТЕНЬ СОБАКИ

— Собака? В доме? Она же пахнет! — говорила бабушка. В бабушкином детстве собаки жили на псарне, лошади на конюшне, люди — в усадьбе. А потом семья почти без вещей бежала от крестьянского погрома. От усадьбы и псарни остались воспоминания и уверенность, что собаке в доме не место.

И собака появилась в маминой жизни, когда у нее уже было двое детей.

Моя старшая сестра Оля тут же заявила, что Том будет ее приданым. А я почувствовала себя бесприданницей. Впрочем, до замужества было еще далеко, и я решила: «Поживем, увидим».

Гуляла с приданым я. Мы скатывались с седьмого этажа наперегонки по лестнице. Я прыгала через ступеньки: две, две, две, потом три. Том бежал, радостно покрикивая, когда его заносило на поворотах. Если я отставала, он лаял: «Скорее! Бегом!» На шум выходили соседи, и Том охотно забегал к ним в гости. А я долго искала его, звоня по квартирам:

«Простите, к вам случайно не заходила моя собака?» Я не любила звонить по квартирам, поэтому старалась не отставать и прыгала через ступеньки: две, две, две и три.

Мы неслись в лес. Носились по кустам, и на длинных Томиных ушах чистопородного спаниеля оседали стаи лютиков.

Мы бежали к фонтану, и Том медлил немного, а потом со всего маху плюхался и плыл за палкой. Вылезал в два раза похудевший и бежал поближе ко мне отряхиваться.

А зимой вечером, когда вороны уже рассаживались по березам, мы бродили, я — задрав голову кверху: из нашего леса были видны звезды. Мы стучали палкой по деревьям, и сонные птицы, недовольно крича, взлетали.

С Томом было нестрашно. Стоило ему заподозрить кого-то в недобрых намерениях, он начинал глухо рычать неожиданно низким баритоном, а если человек приближался, я сообщала, как бы между прочим: «Собака кусается». И люди боялись спросить даже дорогу или который час.

Мы росли вместе, но Том — быстрее. И очень скоро он стал относиться ко мне снисходительно. Постепенно я перестала пристегивать поводок: так я могла хотя бы делать вид, что иду по своим делам,

а не по собачьим. Пес меня терпел, как терпят назойливых младших сестер. Я то рисовала, заставляя его долго сидеть неподвижно, то сверкала ему в морду вспышкой. А он глядел на меня ослепленными глазами: «Может, хватит?» Самыми удачными были рисунки, где он лежал, а самой удачной фотографией — лохматая собачья тень. «Правда, гениально?» — приставала я ко всем с этой фотографией. «Да. Но было бы лучше, если бы собака все-таки попала в кадр», — отвечали мне.

Вечером мы делали уроки: Том приваливался к моим ногам теплым задом, заставляя сидеть смиренно, и ворчал, если я пыталась выбраться.

На самом деле мы ждали маму. И едва на лестнице слышался лифт, пес несся к двери и из сварливого хозяина превращался в щенка.

Он любил маму. Он любил ее запах и норовил стащить ее платья и спать на них. Он брал сторону мамы во всех конфликтах: просто вставал у ее колена и облаивал всех, кто пытался ей возражать. Он любил ее смешной свист. Свистеть мама не умела, у нее получалось какое-то жалобное «фю-фю-фю». Но стоило прозвучать этому «фю-фю-фю», как этот прохвост объявлялся из-под земли, хотя до этого я могла полчаса звать его хорошо поставленным благородным свистом.

Однажды, когда мамы долго не было в Москве, он услышал нечто похожее на мамино «фю-фю-фю». Он заволновался, заметался, и я долго объясняла ему, что это не мама, что это кто-то другой так же, как мама, не умеет свистеть. Том меня не слушал, долго не мог успокоиться, а потом как-то разом сник, загрустил, и через несколько дней выяснилось, что он оглох на одно ухо.

Нам казалось, так будет всегда. Днем мы будем бегать в лес собирать лютики и купаться в фонтане, а вечером будем ждать маму. Но мы росли. И первым вырос Том. И однажды всем стало ясно, что Том должен позаботиться о продолжении рода.

У Тома в роду все были ужасно породистые: и мама, и папа, и бабка, и дед, и даже прабабка, и прадед, и так до седьмого колена. И папа стал звонить в клуб.

Оказалось, прежде чем жениться, наш лопухий неуч должен получить охотничий диплом, чтобы не посрамить ни маму, ни папу, ни деда, ни бабку и так до седьмого колена.

За дело взялся папа. Неделю он ходил по каким-то инстанциям и в конце концов получил из психоневрологического диспансера разрешение носить оружие. Гордый, продемонстрировал он нам эту справку и сказал: «А теперь научите собаку».

Но пойдя посреди Москвы научи собаку поднимать птицу на крыло.

В магазине «Олень» мы купили куропатку. Дичь «наследила» вокруг дома и затаилась под балконами. А на балконе седьмого этажа стояла я и держала взлетное устройство для куропатки — удочку.

Тома выпустили. И он пошел по следу, как ходили его породистые мама и папа, дед и бабка и так до седьмого колена. Это было красиво даже с седьмого этажа, где я стояла и держала взлетное устройство.

— Молодец! Охотник! — комментировали из окон соседи.

И вот Том настиг куропатку.

— Улетай, птица! — крикнула моя сестра.

Куропатка дернулась и взлетела. Но невысоко.

— Томочка умница! Томочка молодец! — обсуждали соседи.

— Да улетай же, чертова птица! — вопила моя сестра.

Но птица не улетала. Она зависла в метре над землей и летала кругами. Она была ужасно тяжелой. И мне стоило большого труда ею взлететь. О том, чтобы улететь в небо, не было и речи. Удочка гнулась и норовила сломаться.

— Томочка охотник! Как он поднял птичку! Вы видели? Нет, вы видели?

А Томочка ничего не видел, кроме куропатки, которая на бреющем полете проносилась над головой, а потом возвращалась...

— Послушай, а может, мы переживем без породистой невесты? — спросила мама, когда Том расправлялся с куропаткой. — Ты-то сдашь экзамен, а папа?

А потом выросли и ушли из дома мы. А мама, папа и Том делали вид, что живут как прежде. Папе это удавалось, а Том... Целыми днями он ждал маму с работы и, соседи жаловались, выл.

Как-то у родителей остановились знакомые. И мама попросила, чтобы среди дня с собакой погуляли. Знакомые долго собирались и искали поводок, а Том уже бежал в лес и пугал там ворон, а лапы не могли за ним успеть, потому что знакомые всё искали и искали поводок. И когда он, наконец, на поводке выскочил из подъезда... выпрыгнула его душа.

Передние лапы неловко подвернулись, и он упал. Его принесли домой, и еще час он сосредоточенно смотрел на дверь — не хотел умирать без мамы.

Постепенно из квартиры исчезла шерсть, через месяц меня перестали обнюхивать встречные собаки. А тень... Иногда мне кажется, что тень бежит рядом. Особенно когда я перепрыгиваю через ступеньки: две-две-две-три.